

Чэньша возвращался домой, используя технику легкости. Издалека он заметил, что калитка во двор распахнута. Пропавшая было кобыла Цанлянь мирно стояла в стойле, лениво помахивая хвостом и пощипывая траву; поводья даже не были привязаны. В доме царил тишина, однако он, чьи чувства обострились за последнее время, отчетливо уловил дыхание двух человек, которые даже не пытались скрыться.

Ему было невдомёк, что Сюкун уже здесь. Сгорая от любопытства, Чэньша на цыпочках подобрался к дверям и заглянул в узкую щель. Увиденное заставило его сердце пропустить удар, а душу — едва не расстаться с телом. Юноша, крепко сжимавший в объятиях спящего Чжайсина, был не кто иной, как Сюкун — самый опасный мастер тайных убийств из четверки лучших теней Цинь Фэна.

Неужели Сюкун получил приказ покончить с ними и решил начать с мести Чжайсину, который его увел? Однако поза воина говорила об обратном: он обнимал спутника так, словно заявлял всему миру свои права на него. Это не походило на преследование убийцы — скорее на сцену, где любовник, поймав беглеца, решил проучить его со всей возможной страстью.

Чэньша тряхнул головой, отгоняя двусмысленные мысли, и задумался, что делать. В этот миг Сюкун, чье чутье было феноменальным, открыл глаза. Сюкун посмотрел на него прямым, ледяным взглядом, и Чэньша почувствовал себя кроликом, застигнутым ястребом посреди снежной пустыни, — у него не осталось сил даже на то, чтобы просто задрожать.

Одним точным движением Сюкун нажал на сонную точку едва не проснувшегося Чжайсина. Высвободившись из объятий, он бесшумно, точно пушинка, пролетел через комнату и оказался прямо перед Чэньшей. Не почувствовав жажды крови, юноша не шелхнулся, решившись встретить взгляд незваного гостя.

Сюкун говорил отрывисто, роняя лишь ключевые слова — таков был его стиль:

— Ранен. Отравлен. Лечи.

Чэньша понял суть не сразу, но, заметив в углу таз с розовой водой, окончательно во всем разобрался. Перехватив бамбуковую флейту, к которой снова был привязан нефрит Короля Драконов Чжаньхай, он вполголоса произнес заклинание исцеления стихии воды. Лицо спящего Чжайсина постепенно разгладилось. Сюкун вернулся к кровати и сел рядом; он посмотрел с едва заметной нежностью. Заметив, что сквозь бурую ткань на плече воина проступает кровь, Чэньша тут же сотворил исцеляющее заклинание и для него. Сюкун лишь едва заметно кивнул в знак благодарности и продолжил:

— Спутанный шелк. Мы оба. Срок мал. Даньси.

На этот раз Чэньше потребовалось время, чтобы переварить услышанное.

— Вы с Чжайсином отравлены и хотите просить помощи у... Старейшины Даньси, учителя Лю

Ина? — Сюкун не возразил, и Чэньша, чувствуя, как тот тяжело на него смотрит, осторожно подошел к кровати. Стараясь не делать резких движений, он вытащил из-под подушки Чжайсина книгу.

Это был «Справочник сотни трав», который юноша изучал в последнее время. Чэньша быстро пролистал страницы, пока не нашел описание яда «Спутанный шелк». Это была коварная отравка, начинавшая действовать примерно через месяц после попадания в кровь. Противоядие существовало, но последовательность смешивания ингредиентов была критически важна. Ошибка в порядке добавления ключевых трав означала мгновенную смерть.

Закрыв книгу, Чэньша согласно кивнул:

— Значит, нам придется покинуть горы. Старейшина Даньси наверняка справится со своим же творением лучше любого другого лекаря. Не будем терять времени. Передохнем пару дней и в путь.

Сюкун не возражал. Он снова устроился рядом с Чжайсином. В их тихом единении было столько простого тепла, что трудно было поверить, будто перед тобой — грозные тени-убийцы.

Чэньша не стал возмущаться тем, что его кровать заняли, и собрался перебраться на место Чжайсина в другой части комнаты. Однако Сюкун тут же пригвоздил его к месту ледяным взглядом. Было очевидно: если юноша посмеет коснуться этой постели, его пустят на фарш к ужину.

Чэньша замер, пытаясь жестами объяснить, что в доме всего одна спальня и раз уж его место занято, то спать на кровати Чжайсина — самое логичное решение. Но, встретившись глазами с Сюкуном, он не смог выдать ни звука. Мысленно проливая горькие слезы, он лишь подхватил свои вещи, чтобы найти другое пристанище.

— Его. Не трогай, — отрезал Сюкун.

Чэньша застыл, затем обреченно вытащил из большого сундука запасные постельные принадлежности и поплелся прочь из уютной комнаты.

Рядом с домом была лишь уборная, так что Чэньша пришлось обосноваться на кухне, в компании припасов. Глядя в окно на Цанлянь, лениво жующую траву, он мог лишь вздыхать о превратностях судьбы. Стоило ему немного подразнить Чжайсина, как явилась его истинная погибель.

К вечеру, когда Чэньша только закончил готовить, до него донеслись звуки спора. Чжайсин, игнорируя попытки Сюкуна его удержать, прибежал к кухне. Увидев Чэньша — мастера

кулинарии, но полного профана в разведении огня — с лицом, измазанным сажей, он едва не задохнулся от возмущения.

— Ты заставил господина спать на кухне?! Заставил его разводить огонь?! Да ты еще и командовал им, пока он готовил?! — Он трижды повторил это «заставил», не веря своим глазам.

Сюкун даже не пытался оправдываться. Помимо того, что он запретил Чэньше мешать их уединению, он ничего от него не требовал, но такой исход его вполне устраивал. Пользуясь тем, что Чжайсин кипит от гнева, он внезапно перехватил его руку, зажав точку пульса, и бесстрастно произнес:

— Назад. Ешь. Отдыхай.

Несмотря на то что у Сюкуна больше не было хозяина, в Чжайсине еще жили глубоко укоренившиеся понятия об иерархии теней. Он не мог выносить, когда Сюкун третировал Чэньшу — человека, о котором его господин просил заботиться. Даже с заблокированным пульсом Чжайсин не сдвинулся с места, яростно глядя на Сюкуна.

Чэньша, как бы его ни злила собственническая натура Сюкуна, вовсе не хотел их ссоры. Он поспешно вытер лицо и подошел, чтобы вмешаться:

— Вы оба ранены, так что мне сподручнее заняться делами. Не спорьте, лучше пойдете ужинать.

Они сели за стол. Чжайсин, не выпуская чаши из рук, продолжал буравить Сюкуна, яростно вгрызаясь в капусту так, словно откусывал голову врагу. Сюкун же оставался абсолютно невозмутим: под этим испепеляющим взглядом, он неторопливо прихлебывал вино и время от времени подкладывал Чжайсину лучшие кусочки. Чэньша специально приготовил несколько изысканных блюд, чтобы поддержать силы раненых, но каждый раз, когда его палочки тянулись к ним, Сюкун оказывался быстрее. После нескольких попыток Чэньша перестал злиться; он лишь со смешком покачал головой и доел ужин, довольствуясь простой зеленью. Чжайсин, всецело поглощенный своей молчаливой войной, так ничего и не заметил.

После ужина Чэньша вызвался помыть посуду, хотя обычно это была обязанность Чжайсина. Тот вскочил:

— Я сам! Ты и так весь день хлопотал, да и вчера тебе было не по себе. Отдохни пораньше.

Но тут вмешался Сюкун:

— Ты отравлен. Моет он.

Терпение Чжайсина лопнуло. Упершись руками в стол, он всем видом показывал, что еще одно слово — и этот стол приземлится Сюкуну на макушку:

— «Спутанный шелк» во мне не первый день! Мои руки не отсохли, я в состоянии помыть посуду! Ты и сам отравлен, неужели этот яд лишил тебя последних сил?!

Сюкун помедлил мгновение, а затем делом доказал, что яд никак не ограничивает его возможности. Он перехватил руку Чжайсина, уже тянущуюся за скрытым оружием, притянул его к себе за шею и без лишних слов впился в его губы поцелуем, обрывая все возражения.

За годы службы Сюкун, тайно следуя за Цинь Фэном, успел насмотреться на подобные вещи. Чэньша, ошеломленный столь прямой и дерзкой выходкой, замер как вкопанный: в левой руке — пустая чаша, в правой — ложка. В этот миг он походил на изваяние.

Поцелуй был внезапным и яростным. Когда Сюкун наконец отпустил Чжайсина, тот едва не задохнулся, не зная, куда деть руки и ноги. Сюкун же, закончив, обернулся к Чэньша. Юноша внезапно осознал, что он здесь лишний, и, впопыхах собрав посуду, пулей вылетел из комнаты. За его спиной хлопнула дверь и щелкнул засов.

— Ты... он еще... я... — заикался Чжайсин. В его глазах, отражавших пламя свечи, читалось смятение, которое заставило лед в сердце Сюкуна окончательно растаять.

— Не говори о нем. Думай только обо мне, — на этот раз Сюкун не ограничился короткими фразами. Его голос, обычно холодный, теперь звучал низко и страстно. — Я сделаю так, что у тебя только на это силы и останутся...

От их первой схватки до признания прошел всего день. От ледяного отчуждения до полного слияния — всего одна ночь. Лед превратился в пламя, разум — в туман.

На следующее утро Чэньша, еще потиравший заспанные глаза, был бесцеремонно вытянут из постели.

— С этого дня я твой наставник, — объявил Сюкун. — Месяц тренировок. Днем — боевые искусства и домашние дела. Я приготовлю пилюли для укрепления внутренней силы, чтобы через месяц ты восстановился хотя бы на семьдесят процентов. А потом отправимся на поиски Даньси.

Чэньша поперхнулся на полуслове и зашелся в кашле.

— Ты... мой учитель?

— Я сильнее него, — Сюкун кивнул в сторону Чжайсина. — Владею и техниками праведных школ. Через месяц ты сможешь постоять за себя.

Раз Сюкун давал такое обещание, значит, он действительно обладал нужным мастерством. К тому же Чэньша и сам хотел увидеть мир.

— Тогда рассчитываю на тебя... учитель, — кивнул юноша.

Так началась суровая жизнь Чэньши. По сравнению с Чжайсином, Сюкун был строг, точно надзиратель на императорском экзамене. Боевые навыки юноши росли как на дрожжах, но к концу дня он буквально валился с ног, не имея сил даже открыть книгу, не говоря уже о том, чтобы невольно прислушиваться к звукам любви из соседней комнаты.

Видя успехи Сюкуна, Чжайсин перестал спорить о домашних делах. По настоянию Чэньши он теперь занимался закупками провизии и сбором слухов в ближайших поселениях. Поначалу он был против того, чтобы покидать убежище, но доводы Чэньша были неоспоримы: нельзя вечно сидеть на месте, рано или поздно их найдут. Раз Сюкун сумел их выследить, сумеют и другие. Лучше затеряться в толпе, чем ждать, пока тебя схватят. К тому же Старейшина Даньси — единственный шанс спастись от яда, а через него можно выйти и на помощь Лю Ину. Если Чэньша собирался вершить великие дела в будущем, он должен был знать, чем живет народ и какова обстановка в мире.

Месяц спустя Чэньша уже делал успехи: он мог продержаться сотню ходов под натиском Чжайсина. Было решено выступить. Юноша прибрался в доме, запер двери и, ведя под уздцы Цанлянь, вышел со двора. Его спутники уже сидели в седлах. Чэньша бросил последний взгляд на тихий дворик, где прожил два спокойных месяца: здесь начался его путь к искуплению прошлых грехов и новой жизни.

Улыбнувшись, он легко запрыгнул в седло. Утреннее солнце сияло им в спины, освещая дорогу впереди.

<http://bllate.org/book/17524/1697828>